

ИДЕИ ДЖ. ТОЛАНДА О ЧУДЕСАХ

IDEAS OF J. TOLAND ABOUT MIRACLES

В.В. Яковлев

V.V. Yakovlev

Чудо, история религиозно-философских идей, интеллектуальная история, Дж. Толанд, раннее Новое время, долгое Средневековье, западное христианство, западноевропейская цивилизация.

В статье проведён анализ основных положений двух глав трактата Толанда «Христианство без тайн», содержащих рассуждения о чудесах. Выявлены некоторые ключевые идеи Толанда о чудесах. Обнаружено, что Толанд стремился оправдать новозаветные чудеса с позиций разума. Автор предположил, что своеобразие идей Толанда о чудесах продуктивней объяснять сохранением у него глубокой личной веры, а также зависимостью его религиозно-философских идей от традиций средневековой религиозно-философской мысли.

Miracle, the history of religious-philosophical ideas, intellectual history, J. Toland, early Modern period, the long Middle Ages, Western Christianity, Western European civilization.

The article analyzes the basic provisions of two chapters of the treatise «Christianity not Mysterius» by Toland containing arguments about miracles. It identifies some key ideas of Toland about miracles and finds out that Toland sought to justify the New Testament miracles from the standpoint of reason. The author suggests that it is more efficient to explain the originality of Toland's ideas about miracles by his conservation of deep personal faith, as well as by the dependence of his religious and philosophical ideas on the traditions of medieval religious and philosophical thought.

Раннее Новое время справедливо считают эпохой расцвета свободомыслия в Западной Европе. Однако так же трудно отрицать, что даже самые критично настроенные в религиозных вопросах интеллектуалы были готовы проявлять значительную сдержанность при публичном обсуждении некоторых животрепещущих проблем христианства. Примером этому могут служить рассуждения о чудесах выдающегося представителя западноевропейского, и в частности английского, свободомыслия Джона Толанда. Важнейшие идеи Толанда о чудесах содержатся в его трактате «Христианство без тайн» [Толанд, 1981]. Второе название данного сочинения – «Трактат, в котором показывается, что в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или непостижимого им и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом смысле слова». Трактат был анонимно опубликован в 1696 г. в Лондоне, а через год ирландский парламент постановил публично сжечь это произведение [Мееровский, 1981, с. 281].

В принципе, без преувеличения можно сказать, что религиозно-философские идеи и судьба Толанда вызывают неослабевающий интерес зарубежных учёных [Brown, 2012; Champion, 2003; Fouke, 2007]. С другой стороны, более чем скромно выглядит соответствующая отечественная историография. В ней, несомненно, следует выделить знаковую монографию Б.В. Мееровского [Мееровский, 1979], а также неординарные диссертации К.И. Салимовой [Салимова, 1953] и Т.А. Удодовой [Удодова, 1973]. Правда, появившиеся ещё в советское время, эти работы неизбежно отражают формационно-классовый подход к оценке характера и сущности религиозно-философских положений и доктрин Толанда. Это придаёт особую актуальность настоящей статье, ибо конкретно религиозно-философские идеи Толанда о чудесах нуждаются в более детальном анализе и переосмыслении именно в силу остро назревшей необходимости обновления российского сегмента исследований данной направленности. Кроме того, предлагаемый сюжет способствует расширению проблематики весьма

интенсивно развиваемых в современной отечественной науке изысканий в сферах религиозного сознания [Излученко, 2012] и эсхатологии [Петев, 2013], неотделимых от изысканий в сферах христианских представлений о чудесном вообще и истории интерпретации чудес западноевропейскими ранненовременноыми интеллектуалами в частности.

Исходя из всего вышесказанного, цель статьи состоит в выявлении некоторых ключевых идей Толанда о чудесах. Задача заключается в проведении детализированного анализа некоторых основных положений главы 3 раздела II и главы 5 раздела III трактата «Христианство без тайн», которые Толанд практически полностью посвятил изложению своей концепции чудес.

В главе 3 раздела II, носящей название «О том, что христианство было задумано как разумная и понятная религия; доказывается на основе чудес, способа и стиля изложения Нового завета» (здесь и далее курсив в тексте наш. – В.Я.), Толанд сосредоточился на обосновании целесообразности чудес Нового Завета.

Толанд был убеждён, что новозаветное вероучение (с учётом того, что Новый Завет претендует на богоданность) не должно противоречить естественному разуму и нашим собственным обычным идеям. По его мнению, всякий, кто добросовестно изучит Евангелие, убедится в этом (здесь и в других случаях Толанд, скорее всего, говорил обо всех новозаветных Евангелиях. – В.Я.). Слово Божие даёт образчики совершеннейшего размышления; обоснование же этого через объяснение тайн Слова Божия Толанд считал своим долгом. Так, об очевидности доктрин Спасителя можно было судить по тому одобрению, с каким к ним относились язычники, а согласованность персоны Христа с ветхозаветными символами и пророчествами и Его мессианская харизма хорошо вписывались в религиозные представления евреев. Несмотря на всё это, Христос использовал в качестве доказательств собственных предназначения и религиозных убеждений такие Свои деяния и чудеса, которые и «самые упрямые иудеи» вынуждены были относить к числу божественных. Тут Толанд сослался на одобри-

тельные отзывы о чудесах Христа со стороны Никодима (Иоан. 3. 2), других фарисеев (Иоан. 9. 16) и иных очевидцев (Иоан. 10. 21) [Толанд, 1981, с. 118]; (здесь и далее ссылки на библейские фрагменты взяты из используемого текста и выверены по Библии в синодальном переводе [Библия, 1992]. – В.Я.).

Толанд и далее продолжил апеллировать к новозаветным текстам. Иисус, обращаясь напрямую к тем, кто не принимал Его учение, призвал верить Его делам, чтобы уверовать в Его божественную сущность (Иоан. 10. 37, 38) [Толанд, 1981, с. 118–119]. Следовательно, Христос призвал не верить Ему голословно, но изучать Писание, в котором говорится «о мессии», и сопоставлять Его деяния с теми, которые, как считается, надлежит творить Богу; и только в случае обнаружения совпадений Христос просил верить, что Он и есть Мессия. Самодостаточность знамений и чудес Христа в деле подтверждения Его мессианского и божественного статуса была признана многими свидетелями, о чём, по мысли Толанда, не раз говорится, например, в Евангелии от Иоанна (Иоан. 7. 31; 2. 23).

Апостол Павел ссылался на новозаветные знамения и чудеса как на часть свидетельств проповеданного Господом спасения (Евр. 2. 3, 4), рассматривал чудеса Христа как важный фактор духовного совершенствования тех, кто стал свидетелем Его чудес (2 Кор. 4. 2). Толанд вопрошал: какова была цель всех этих чудес, когда не требовалось бы апеллировать к человеческому разуму, когда проповеди Христа отличались бы непонятностью и противоречивостью? Что бы нам оставалось – верить в богооткровенную чепуху? Вот и получается, резюмировал Толанд, что в случае подлинности новозаветных чудес и сама христианская религия должна быть понятной, в случае же ложности (а такого его оппоненты не допускали) – эти чудеса, вообще, нельзя использовать в качестве контраргументов для спора с ним [Толанд, 1981, с. 119].

Далее Толанд сосредоточился на обосновании разумности и понятности Нового Завета, для чего подробно описал повествовательные и стилистические особенности новозавет-

ного текста. Здесь можно выделить следующие тезисы Толанда. Новый Завет создан в соответствии с определённым порядком и планом. К достоинствам Евангелия Толанд относил способ «изложения», а также «стиль», который он называет весьма лёгким и естественным. Зафиксировано же оно на обиходном «диалекте» людей, являвшихся его главным адресатом. Вообще, языковые проблемы нельзя использовать в деле подтверждения «гипотезы о необъяснимости Писания» [Толанд, 1981, с. 120]. Для толкования Нового Завета нужно обращаться к Ветхому Завету, практике иудейской религии, Талмуду и трудам раввинов. Сохраняющаяся же при всём при этом непраздничность неясных мест в Писании является следствием «давности времён» и утраты живой языковой традиции, а не противоречивости описываемых событий или невежества составителей Писания. Евангелие написано простым языком, т. к. апостолы хотели быть понятными для всех [Толанд, 1981, с. 120–121]. В этом смысле Толанд противопоставил апостолов древним философам и ораторам, ради славы и выгоды обманывавшим народ, прибегая к софистике и злоупотреблению своей авторитетностью. Иной целью руководствовались апостолы. Им не было свойственно заниматься собственным восхвалением или превознесением [Там же, с. 121–122]. Толанд полагал также, что Новый Завет строго соответствует чертам «закона и слова Божьего», изложенным Давидом [Там же, с. 122–123]. Вообще, согласно Толанду, не правильно допускать, что Писанию свойственны противоречия; иначе должна быть поставлена под сомнение правдивость всего Писания. По той же причине нельзя говорить, что в нём повествуется о непостижимых тайнах [Там же, с. 123].

Наиболее обстоятельно Толанд продолжил развивать свои идеи о чудесах в главе 5 раздела III, носящей название «Ответ на возражения, основанные на рассмотрении чудес». Толанд считал, что, терпя неудачи в многочисленных уловках, «сторонники тайны» видят в чудесах своё последнее пристанище, однако он надеялся без особых усилий разрушить их заблужде-

ния по этому вопросу [Толанд, 1981, с. 169–170]. Толанд отметил, что пока предметное поле дискуссии в принципе не обозначено и ему вначале следует высказать свои соображения о природе чудес. Он дал следующее определение чуда: «чудо – это такое действие, совершение которого превосходит все человеческие силы и которое не может быть осуществлено при помощи обычных проявлений законов природы».

Тем не менее то, что противоречит «разуму», не является «чудом», ведь термин «противоречие» используется при обозначении «невозможного или ничего (nothing)». Здесь Толанд вывел своеобразную аксиому: «чудесное действие должно само по себе быть понятным и возможным, хотя способ его осуществления – необычайным». Он привёл примеры подлинных чудес. Если кто-либо невредимым расхаживает в гуще пылающего огня, не используя при этом никакого другого защитного средства, кроме помощи «сверхъестественной силы», – это чудо. Умелый врач при случае может излечить слепоту; но если усыхающие члены человеческого тела в одно мгновение будут вылечены по чьему-либо приказу или пожеланию, причём для этого не потребуется ни лечебных процедур, ни сроков, – такое деяние станет «чудесным». Чудесным же окажется быстрое излечение заболевшего человека, когда врачу либо природе потребовались бы немалые время и усилия для этого.

Следовательно, подлинное чудо вообще не вступает в противоречие с разумом, ведь лежащее в его основе деяние считают «понятным», а осуществление этого деяния воспринимают сильным «для творца природы», могущего на Своё усмотрение распорядиться всей совокупностью её стихий. В этой связи Толанд дал определение вымышленных чудес: «вымышленными являются все те чудеса, в которых наблюдаются какие-либо противоречия». Так, утверждают, что рождение Христа произошло без возникновения в организме Богородицы какого-либо «отверстия» [Толанд, 1981, с. 170]; или рассказывают о голове, разговаривавшей на протяжении нескольких суток вслед за отсечением от тела и лишением языка [Там же, с. 170–171].

О многих подобных чудесах, продолжал Толанд, сообщают паписты, иудеи, брамины, магометане; в целом же, повествования о таких чудесах в ходу там, «где доверчивость людей делает их предметом торговли священников».

При этом Толанд специально подчеркнул, «что бог (в используемом издании слово «Бог» (включая местоименные формы) везде печатается с начальной строчной буквой. – В.Я.) не настолько щедр на чудеса, чтобы совершать их по всякому случаю». Естественному ходу природных явлений не дано меняться, останавливаться или убыстряться без какого-нибудь серьёзного намерения, которое характеризует божественную мудрость и величие. И впрямь, добавлял Толанд, Писание и разум свидетельствуют о том, что чудеса ни разу не совершались абсолютно бесцельно; цель же или обозначалась адресатами чуда, или задумывалась и провозглашалась творцом чуда. Наряду с этим Толанд отметил: да, апостолами прилюдно были произведены многочисленные исцеления, что, естественно, являлось гарантом уважительного к ним отношения, а иногда и способствовало возникновению божественного поклонения им. Его сполна ощутили, в частности Павел и Варнава, исцелив в Листре урождённого хромца, не исполнив каких-нибудь предварительных «обрядов» (Деян. 14. 8–17 (в трактате: Деян. 14. 11 и далее. – В.Я.)). При всём при этом осуществлённое ими исцеление было не более чем инструментом для привлечения внимания язычников этого города к христианскому вероучению. И Новый Завет сообщает лишь о чудесах, служивших упрочению влияния их творцов (стимулировавших посредством чудес интерес к евангельским учениям) либо иным подобным мудрым и разумным целям.

Исходя из вышесказанного, «прославленные подвиги», приписываемые домовым и феям, ведьмам и чародеям, а также всё собрание языческих чудес надлежит считать «вымышленными, пустыми и суеверными баснями», т. к. ничто из этого не содержит какую бы то ни было цель, заслуживающую «изменения в природе». Вместе с тем перечисленные фено-

мены явно не вяжутся с имеющейся у нас идеей Бога и решительно «подрывают его божественный промысел». Посредством них сатанинские хитрости подтвердились бы так же, как и божественное откровение, ибо чудеса совершали бы в угоду и первого и второго. В довершение всего, продолжал Толанд, чудесные деяния Сатаны и верных ему приспешников безмерно превышали бы «по количеству и качеству» чудесные деяния Бога и Его слуг [Толанд, 1981, с. 171]. Последний тезис может быть надёжно обоснован одними лишь историями, весьма добросовестно подтверждёнными во всех английских графствах, не считая куда сильнее доверчивых народов [Там же, с. 171–172].

Тут Толанд добавил, что при сохранении высокого уровня невежества и варварства у людей в их среде обычно бывают широко распространены подобные легенды, а им более свойственно трепетать «перед *Сатаной*, чем перед *Иеговой*». При таком раскладе язычникам оставалось бы только блюсти своё идолопоклонство, а мерзкую ведьму или захудалого астролога нужно было бы поставить в один ряд с пророками и апостолами. Толанд не видел больше необходимости развивать столь серьёзную аргументацию, ибо он считал, что ему приходится опровергать чистый вымысел. Философ жаждал спора: пусть ему расскажут о каком-нибудь случае с лживыми чудесами, имеющем «подлинные признаки исторической достоверности», и он рискнёт доказать правильность и Корана, и Евангелия в том случае, когда ему позволят верить во все чудеса, но только не в божественные. Однако, по убеждению Толанда, хранители веры в ложные чудеса, скорее всего, обращают каким-то образом в свою пользу суеверный страх народа.

Ссылаясь на свои предшествующие размышления, Толанд констатировал, что чудеса, которые совершают тайно, либо же исключительно в кругу людей, получающих прибыль и выгоду от веры в эти чудеса, следует отвергнуть под видом подделки и лжи. Ведь если данные казусы не в состоянии выдержать «испытания моральной несомненностью», они не согла-

суются с целью чудес, неизменно совершаемых «для убеждения неверующих». Но лишь папистам положено видеть собственные чудеса, чего не дано еретикам, обращаемым ими в своё вероисповедание с помощью тех чудес. По столь же несуразному обычаю паписты подтверждают чудо ещё одним чудом, к примеру, для подтверждения пресуществления ссылаются на ряд других чудес.

На основе вышесказанного Толанд окончательно сформулировал ещё одну аксиому: «ничто противоречащее разуму, имеется ли в виду само действие или его цель, не является чудесным». Одновременно он подверг критике распространённое мнение, гласящее, что «хотя чудеса не противоречат разуму, они, безусловно, выше его». Это в корне не верно [Толанд, 1981, с. 172]. Сказать, что превосходит разум «способ совершения» явления, значит, несомненно, рассматривать в качестве чуда некий «философский эксперимент» либо «феномен», удивляющий лишь собственной уникальностью [Толанд, 1981, с. 172–173]. Толанд считал, что когда он был бы в состоянии объяснить, каким образом произведено чудо, то, вероятно, он был бы в состоянии и повторить это же. Однако когда что-либо сделано поддающимся описанию способом – сделанное не относится к чудесам. Стало быть, подытоживал Толанд, понадобится только представить доказательства истинности деяния и самого факта того, что оно могло быть совершено тем, кто способен заставить повиноваться природу посредством молниеносного «выделения, смягчения, смешения, вливания, уплотнения и т. п.». К тому же не исключено, что это существо будет совершать множество упомянутых деяний одновременно, ведь, согласно следующей выведенной Толандом аксиоме, «чудеса совершаются в соответствии с законами природы, хотя они выше её обычных действий, которым, следовательно, помогают сверхъестественные силы».

Подводя итоги, Толанд выразил готовность поразмышлять о возможном возражении в свой адрес, акцентирующем то обстоятельство, что на первых страницах трактата, завершая главу

«Состояние вопроса», он заявлял, что можно объяснить и саму «вещь», и то, каким образом или способом она произведена [Толанд, 1981, с. 95]. Парируя гипотетическую критику, он отметил, что имел тогда в виду не чудеса, а догматы, подтверждаемые чудесами. Толанд подчеркнул, что его позиция осталась неизменной. Ведь если высказаться в таком ключе применительно к чудесам, значит, в принципе признать, что они к подлинным чудесам никакого отношения не имеют, а это полностью сводит на нет данное возражение [Там же, с. 173].

Таким образом, проведённый детализированный анализ некоторых основных положений посвящённых чудесам указанных глав трактата «Христианство без тайн» позволяет выявить следующие ключевые идеи Дж. Толанда о чудесах. Во-первых, Толанд был убеждён в божественности знамений и чудес Христа и в том, что они фактически подтверждали Его статус и являлись свидетельствами истинности веры в Него. Он считал также, что неотъемлемые целесообразность и подлинность всех чудес Нового Завета являются гарантами понятности христианства.

Во-вторых, давая определение чуду, Толанд подчеркнул, что оно как акт, выходящий за пределы человеческих сил и не регулируемый обычными законами природы, всё-таки не должно противоречить разуму, иначе чудом оно быть попросту не может. Чудо есть то, что понятно и возможно, но характеризуется необычайностью способа совершения. Толанд подверг острой критике «вымышленные» чудеса, рассказы о которых, по его мнению, распространены в католицизме, иудаизме, индуизме, исламе.

В-третьих, Толанд полагал, что Бог не совершает чудеса часто и бесцельно. Творцы новозаветных чудес всегда с их помощью упрочивали свой авторитет, превращая их в инструмент для увеличения числа верующих. Толанд также раскритиковал расхожее убеждение, согласно которому чудеса «выше» разума. Немаловажное значение имеет и один из финальных тезисов Толанда: чудеса всё-таки не противоречат законам природы, но превышают её обычные действия с помощью сверхъестественных сил.

В целом, уникальность идей Толанда о чудесах заключается, конечно же, в том, что с формальной точки зрения они принадлежат одному из основоположников английского и западноевропейского деизма и свободомыслия. Перед нами если не апология, то уж точно и не однозначные рационалистическая критика или развенчание чудес. Толанд явно стремился оправдать новозаветные чудеса с позиций разума. Но рассудительные доводы соседствуют у него с религиозным отношением к чудесам Нового Завета: Толанд, по всей вероятности, видел в новозаветных чудесах некий священный эталон, с помощью которого нужно определять «качество» всех других чудес. Это идейная незрелость? Или результат стремления несколько завуалировать свои излишне смелые рассуждения по другим религиозно-философским вопросам? Думается, что своеобразие идей Толанда о чудесах продуктивней объяснять сохранением у него глубокой личной веры, а также зависимостью его религиозно-философских идей от традиций средневековой религиозно-философской мысли, связанных с безусловным признанием подлинности новозаветных чудес.

Библиографический список

1. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии, 1992. 1372 с.
2. Излученко Т.В. Проявление диалогичности в религиозном сознании // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 1. С. 193–197.
3. Мееровский Б.В. Джон Толанд. М.: Мысль, 1979. 190 с.
4. Мееровский Б.В. Джон Толанд. Христианство без тайн: комментарии // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М.: Мысль, 1981. С. 281–292.
5. Петев Н.И. Философско-этическая проблема эсхатологических учений религий мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 6 (32), ч. 2. С. 138–141.
6. Салимова К.И. Философские взгляды Джона Толанда: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1953. 15 с.
7. Толанд Дж. Христианство без тайн / пер. Е.С. Лагутина // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981. С. 79–185.
8. Удодова Т.А. Атеистическая направленность философских взглядов Джона Толанда: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 1973. 19 с.
9. Brown M. A Political Biography of John Toland. London: Pickering & Chatto, 2012. VIII. 196 p.
10. Champion J. Republican Learning: John Toland and the Crisis of Christian Culture, 1696–1722. Manchester: Manchester University Press, 2003. VIII. 264 p.
11. Fouke D.C. Philosophy and Theology in a Burlesque Mode: John Toland and «the Way of Paradox». Amherst, N. Y.: Prometheus, 2007. 395 p.